

П. О. Карышковский

ИСТРИЯ И ЕЕ СОСЕДИ
НА РУБЕЖЕ III—II вв. до н. э.

НАЙДЕННЫЙ осенью 1929 г. истрийский декрет в честь Агафокла считался первоклассным источником по истории Истрии и окружающих ее племен даже тогда, когда текст его был недоступен большинству исследователей¹. Последовавшая с опозданием на 30 лет публикация² подтвердила справедливость такой оценки; новый документ по праву занял почетное место среди наиболее содержательных памятников причерноморской эпиграфики, и заключающиеся в нем сведения представляют существенный интерес для истории всего Северо-Западного Причерноморья в эллинистическое время.

Декрет, относящийся к концу III или к началу II в. до н. э.³, сохранился не вполне. В его частично уцелевших 57 строках (от 58 сохранились лишь три буквы)⁴ идет речь о награждении истрийского гражданина Агафокла, сына Антифила, который не раз приходил на помощь родному городу в тяжелые времена (ἐμ πᾶσι τοῖς τῆς πόλεως καιροῖς). Так, когда гражданине были охвачены междоусобной борьбой (τῆς τε πόλεως οἰσῆς ἐν

¹ S. L a m b r i n o, Cetatea Histria: notiță istorică și descriptivă cu prilejul Expozitiei cetății Histria dela Academia Română, martie 1931, «Boabe de Grâu», I, 1930, № 3, стр. 591; M. R o s t o v t z e f f, Skythien und der Bosphorus, I, B., 1931, стр. 493, прим. 1 (ср. САН, IX, стр. 288); о н ж е, The Social and Economic History of the Hellenistic World, II, Oxf., 1941, стр. 765 (ср. III, стр. 1511, прим. 32); R. V u l p e, Notuți arheologice dobrogene, «Analele Dobrogei», XII, 1931, стр. 293—294; о н ж е, Histoire ancienne de la Dobroudja, Bucarest, 1933, стр. 87—90; Хр. М. Д а н о в, Западният бряг на Черно море в древността, София, 1947, стр. 58—59; Т. В. Б л а в а т с к а я, Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э., М., 1952, стр. 151—152; L. R o b e r t, Hellenica, XI—XII, P., 1960, стр. 271; D. M. P i p p i d i, Epigraphische Beiträge zur Geschichte Histrias in hellenistischer und römischer Zeit, B., 1962, стр. 22—23, 76—77.

² S. L a m b r i n o, Décret d'Histria en l'honneur d'Agathoclès, RER, V—VI, 1960, стр. 180—217 (фото на стр. 183); ср. Н. В e n g s t o n, Neues zur Geschichte des Hellenismus in Thrakien und in der Dobrudscha, «Historia», XI, 1962, № 1, стр. 21—28; D. M. P i p p i d i, Histria și geții în sec. II î. e. n., «Studii clasice», V, 1963, стр. 137—161 (перепечатана в сборнике автора «Contribuții la istorie veche a României», изд. 2, București, 1967, стр. 186—221; далее цитируется по этому изданию).

³ Ламбрино датирует надпись временем около 200 г. до н. э. (ук. соч., стр. 208), снимая тем самым свою прежнюю датировку (около 180 г. до н. э.; CRAI, 1933, стр. 124); прочие исследователи принимают эту дату. Во время войны плита пострадала от огня, и изучение письма по оригиналу невозможно.

⁴ Восстановление текста было осуществлено С. Ламбрино при участии таких эпиграфистов, как М. Олло, Г. Глоц, Л. Робер; сткк. 20—21 дополнены Д. Пишиди; в сткк. 21 и 23 остаются лакуны; конец надписи утрачен.

ταραχῆι ... καὶ τῶν πολιτῶν ἐν ἀγωνίαι καθ'εστῶτων; о причинах и характере этого столкновения можно, к сожалению, лишь догадываться), и в то же время набеги фракийцев не давали возможности доставить в город плоды урожая, Агафокл, избранный токсархом, выступил с отрядом наемников (λαβὼν στρατιώτας μισθοφόρους), отогнал врагов и обеспечил доставку зерна (сткк. 8—14). Когда затем фракийский предводитель Золт (Ζόλτης; ниже он называется ἀρχῶν) вступил со значительным войском на территорию Скифии и греческих городов, подвластных царю Ремаксу (εἰς τὰ τῆν Σκυθίαν καὶ τὰς Ἑλληνίδας πόλεις τὰς τασσομένους ὑπὸ βασιλέα Ῥημάξου)⁵, Агафокл был отправлен послом к Золту и, несмотря на опасности, склонил его отказаться от осады Истрии и вернуть ранее захваченную добычу (сткк. 14—25; текст в этом месте поврежден; смысл сткк. 20—21 восстановлен по дополнениям Пиппиди). Понадобилось, впрочем, еще одно посольство к Золту, отряды которого перенесли военные действия на территорию истрийской хоры, проникли на юг до Бизоны, осадили ее и стали разорять окрестности; чтобы спасти хору Истрии от такой же участи, Агафокл предложил фракийскому вождю 600 золотых (сткк. 25—33). Далее последовали новые нападения фракийцев и новая поездка к Золту (сткк. 34—39); так как клятвенно подтвержденное соглашение было все же нарушено фракийцами, Агафокл, облеченный чрезвычайными полномочиями (он именуется στρατηγός ἐπὶ τῆς χώρας αὐτοκράτωρ), пытался защищать истрийские владения силами добровольцев из числа граждан и варваров, стремившихся укрыться в городе (сткк. 40—46). Поскольку вооруженная борьба, как видно, не увенчалась успехами, о которых, впрочем, весьма бегло говорится в тексте, Агафокл отправился к царю Ремаксу; тот потребовал дани (τὸν φόρον), но присланная им сотня всадников мало помогла делу (сткк. 46—51). Лишь новая поездка Агафокла, на этот раз к сыну царя Фрадмону (имя дополнено Глюцем), обеспечила беззащитной стране, охваченной, по словам составителя документа, ужасом, более существенную защиту в виде отряда из 600 всадников (сткк. 51—55). Далее надпись повреждена, и сохранившиеся слова позволяют только догадываться о том, что присланные царевичем воины начали военные действия против Золта и его фракийцев (сткк. 55—57). Исход событий оказался, надо полагать, благоприятным для Истрии, в результате чего заслуги Агафокла были отмечены почетным декретом.

Не останавливаясь на анализе всех заслуживающих внимания указаний рассматриваемой надписи, — так, специального изучения требуют, к примеру, новые данные о социальной борьбе в городе⁶, его государственном строе⁷ и организации вооруженных сил⁸, — отметим, что даже при простом чтении бросается в глаза ряд общих моментов в положении Истрии и другой ионийской колонии, Ольвии, на рубеже III и II вв. до н. э.⁹ Это впечатление укрепляется благодаря изучению других эпи-

⁵ [Τασσομένας] — конъектура Ламбрино, принятая всеми остальными учеными; хотя восстанавливаемые буквы с трудом укладываются в лауну; ср. P i p p i d i, Contribuții..., стр. 208.

⁶ Ср. I. S t o i a n, Ecouri ale luptei de clasă la Istros în a doua jumătate a sec. al III și în prima jumătate a sec. II î.e.n., SCIV, IV, 1953, № 3—4, стр. 681 слл.

⁷ Ср. P i p p i d i, Contribuții..., стр. 68 слл.

⁸ Ср. там же, стр. 68 слл.

⁹ Об Истрии см. D. M. P i p p i d i, D. B e r c i u, Geți și greci la Dunărea de jos, București, 1965, стр. 225—231, 263—265 (ср. P i p p i d i, Contribuții..., стр. 87—90, 155—156); E. m. C o n d u r a c h i, Scurt istoric al cetății Histria, «Histria», I, București, 1954, стр. 34—48; Б л а в а т с к а я, Западнопонтийские города..., стр. 103—104, 116, 121—122, 131—133, 140—141, 160; об Ольвии — В. Ф. Г а й д у к е в и ч, История античных городов Северного Причерноморья, АГСП, I, 1955, стр. 52—55; Л. М. С л а в и н, Периодизация исторического развития Ольвии, ПИСПАЭ, 1959,

графических документов указанного времени. В самом деле, оба города переживают в эту эпоху продовольственные трудности, вызванные как общим изменением хозяйственной конъюнктуры в Причерноморье¹⁰, так и постоянными нападениями враждебных племен на их хоры (SEG, XVIII, № 288; IOSPE, I², № 32). Это, разумеется, наиболее тяжело отразилось на положении большинства рядовых граждан; резко обостряются социальные контрасты¹¹, с новой силой разгорается классовая борьба¹². При таких обстоятельствах власти обоих городов, желая по возможности смягчить раздирающие граждан противоречия¹³, стремятся прежде всего создать общественные запасы зерна¹⁴, учреждают особые коллегии ситонов, ведающие его распределением среди неимущих¹⁵, идут на временное введение экстраординарных магистратур¹⁶. Необходимые для проведения такой политики средства сосредоточены в это время в руках немногих состоятельных граждан, и в обоих городах государственная казна пополняется ссудами или пожертвованиями богачей¹⁷, среди которых мы встречаем даже иностранцев¹⁸. Однако собранные деньги приносятся впускать в ход прежде всего для умиротворения властителей местных племен — одна из ольвийских надписей называет их «царями стра-

стр. 99—103; Н. В. Шафранская, К вопросу о кризисе Ольвии в III в. до н. э., ВДИ, 1951, № 3, стр. 9—20.

¹⁰ Кроме работ, указанных в предыдущем примечании, см. М. К. Трофимова, Из истории эллинистической экономики, ВДИ, 1961, № 2, стр. 46 слл.

¹¹ Ольвийский декрет в честь Протогена, относящийся к концу III или к началу II в. до н. э. (Т. Н. Книпович, К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена, ВДИ, 1966, № 2, стр. 142 слл.; П. И. Карышковский, До питання про дату ольвійського декрету на честь Протогена, «Археологія», XXI, 1968, стр. 95—105), четко противопоставляет народу «богатых» и «сильных» (IOSPE, I², № 32, A, 66: εὐποροὺς; B, 25: ἰσχυροὺς. В. В. Латышев в обоих случаях переводит «зажиточные»).

¹² Ольвийские рабы (οἰκτεῖα) и миссаллины (о содержании термина см. Н. В. Шафранская, О миссаллинах, ВДИ, 1956, № 3, стр. 37—48) переходили на сторону врагов города (IOSPE, I², № 32, B, 15—17), что было, несомненно, формой социального протеста (о каких-то внутренних столкновениях шла, по-видимому, речь в другом декрете, от которого сохранился лишь обломок, — там же, № 31). В Истрии ἀγορήγορα, ταραχή и πολιτικός ἐπιστάσις упоминаются в сильно поврежденной надписи II в. до н. э. (SEG, XVIII, № 291).

¹³ Это ясно выражено в одной из надписей начала II в. до н. э.; см. Pirpidi, Contribuții..., стр. 244; ср. стр. 247—252.

¹⁴ D. M. Pirpidi, Monumente epigrafice inedite, «Histria», I, București, 1954, стр. 476—487 (ср. он же, Note de lecture, «Studii clasice», VIII, 1966, стр. 240—242); S. L. Ambriano, Fouilles d'Histria, «Dacia», III—IV, 1933, стр. 401—403 (ср. J. et L. Robert, Bulletin epigraphique, REG, LXXV, 1962, стр. 189, № 237); для Ольвии см. IOSPE, I², № 32 A, 26; 63.

¹⁵ В истрийских надписях и в декрете в честь Протогена коллегия ситонов (о ней см. Th. Thalhheim, Sitonia, RE, III-A, 1927, стб. 397—398) не упоминается, хотя в них встречаются глагол σιτώνειν или производные от него; в Ольвии, однако, во II в. до н. э. эта коллегия известна (IO, № 72).

¹⁶ О «стратегии» Агафокла см. Bengston, ук. соч., стр. 24 (ср. Pirpidi, Contribuții..., стр. 97—98, 101); об эпимении и других чрезвычайных полномочиях Протогена см. В. В. Латышев, Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, СПб., 1887, стр. 289—291, 294—297.

¹⁷ Из текста надписи в честь Агафокла не видно, происходили ли 600 золотых, переданных им Золту, из городской казны или из его личных средств; о других истрийских гражданах, предоставлявших свои деньги в распоряжение города, см. Pirpidi, Contribuții..., стр. 248—249 (ср. он же, Decrete elenistice din Histria, «Studii clasice», VII, 1965, стр. 185—186); о затратах Протогена на нужды Ольвии см. Латышев, ук. соч., стр. 109—114.

¹⁸ Характерно, что долг истрийских граждан каллатийцу Матрию (SEG, XVIII, № 289; ср. Pirpidi, Contribuții..., стр. 56 слл.), равно как и долг ольвиополитов херсонесскому гражданину Аполлонию (IO, № 28—29; ср. Е. И. Леви, Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г., ВДИ, 1953, № 1, стр. 177 слл.), не были погашены при жизни займодавцев, и оба города должны были улаживать эти дела с их наследниками.

ны», τῆς χάρας βασιλεῖς (IOSPE, I², № 30; ср. οἱ κρατοῦντες τῆς χάρας βαρβάρου в несколько более позднем истрийском декрете, SIG, II³, № 708). С этой целью к варварским вождям периодически направляются дорогостоящие и не всегда удачные посольства¹⁹. При этом следует отметить, что нельзя говорить о каком-то общем ухудшении отношений между местными племенами и эллинами — напротив, наступление врагов заставляет часть варваров искать убежище за стенами греческих городов, что нашло свое выражение и в декрете в честь Агафокла (сткк. 43—44) и в Протогеновом декрете (IOSPE, I², № 32, В, 8—11). Вырисовывающиеся при более внимательном сопоставлении черты, разумеется, различны для Истрии и Ольвии (последняя, например, не получала военной помощи от соседних царей), но не подлежит сомнению, что конец III и начало II вв. до н. э. были критическим периодом для греческого мира в Северном и Западном Причерноморье и отмеченное сходство в положении обоих городов не является случайным.

Здесь не место останавливаться на вопросе о причинах и характере кризиса античных центров Причерноморья в эпоху эллинизма, которому посвящено немало исследований²⁰. Переходя к конкретным замечаниям, укажем, что в надписи Агафокла привлекает внимание прежде всего активность Золта, осадившего Бизону и создавшего серьезную угрозу для Истрии; трудно предположить, что расположенные на побережье между этими городами Томи и Каллатия не были задеты действиями фракийцев. Весьма примечательно, что греческие города Добруджи признавали над собой неоспоримую власть царя Ремакса, платили ему дань или подать и в случае опасности могли рассчитывать на военную помощь с его стороны. По данным декрета можно установить, что основные владения Ремакса и его сына находились вне Добруджи, на левом берегу Дуная (см. ниже), тогда как греческие города лежали рядом с территорией, которую составитель документа называет без всяких разъяснений просто Скифией. При этом во всем сохранившемся тексте памятника нет ни одного упоминания о скифах; надпись не знает также племен, названных в Протогеновом декрете, и притом не только могущественных саиев, которым ольвиополиты платили регулярные денежные δῶρα, или тисаматов и савдаратов, живших, судя по контексту, в непосредственной близости от Ольвии, но и грозных галатов, представлявших вместе со своими союзниками скирами немалую опасность для населения Нижнего Побужья. Наконец, в декрете в честь Агафокла нет ни слова и о бастарнах, хотя они появились вблизи устьев Дуная как раз в это время (см. ниже). Все это заслуживает, как представляется, более подробного рассмотрения, тем более, что в посвященной памятнику литературе вопрос о населении Добруджи рассматривается в отрыве от тогдашнего расселения северопонтийских племен²¹.

¹⁹ Кроме надписи Агафокла о посольстве к некоему Залмодегику имеется несколько более ранний документ (SEG, XVIII, № 288); Протоген не только давал деньги и дары Сантафару, но и сам принимал участие в посольствах (IOSPE, I², № 32 А, 88).

²⁰ В. Д. Блаватский, Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье, ПИСПАЭ, 1959, стр. 14 сл.; Н. И. Соколовский, Взаимоотношения античных государств и племен Северного Причерноморья, ДАУ СА, XXVIII, 1961, стр. 129 сл.; ср. К. К. Зельин, М. К. Трофимова, Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода, М., 1969, стр. 94 сл., 191 сл.

²¹ Исключением является статья Руссу (I. I. Russu, Zoltes și Rhemaxos. Tracii, sciții și Istria în sec. III—II î.e.n., «Arulum», VI, 1967, стр. 123—143), однако автор исходит из неверных представлений о границе между скифской и гетской территориями в рассматриваемое время (см. ниже).

Напомним, что декреты в честь Агафокла и Протогена относятся ко времени, когда царство кельтов пало под ударами фракийцев (около 216 г. до н. э.)²². Поэтому активность Золта, правителя одного из северофракийских племен²³, не вызывает особого удивления. В самом деле, если фракийцы, жившие вблизи от берегов Бургасского залива, поддерживали в III в. до н. э. дружественные отношения с греческими городами — вождь их Садала заключает договор с Месембрией (IGB, I, № 307), а царь Котий отсылает сына в Аполлонию в качестве заложника (там же, № 389)²⁴, — то их северные соплеменники, обитавшие в Добрудже, напротив, враждовали с греками. Во всяком случае, еще за несколько десятилетий до падения кельтской столицы Тиле послы Истрии с немалым трудом, преодолевая многие опасности, добрались до находившейся в Северо-Западной или Северной Добрудже ставки фракийского (гетского?) предводителя Залмодегика, удерживавшего у себя истрийских заложников (60 из них были отпущены благодаря деятельности посольства) и имевшего возможность вредить хозяйственным интересам города²⁵.

Если можно считать бесспорным, что и Золт и Залмодегик возглавляли фракийские племенные объединения, то установить с полной определенностью местоположение этих последних довольно затруднительно. Можно, впрочем, согласиться, что владения Залмодегика находились на севере Добруджи, где несколько позже упоминается в непосредственной близости от Истрии *προσχωρος Θρακική*²⁶, так что этот властитель мог препятствовать рыбному промыслу граждан Истрии в дельте Дуная и прилегающих лиманах и мирной эксплуатации последними их сельских владений²⁷. Труднее признать, будто владения Золта лежали на юге, у склонов Гема, как это считают румынские ученые²⁸. Если следовать за событиями так, как они изложены в надписи, мы видим, что войны Золта обрушились прежде всего на хору Истрии (сткк. 9 сл.), и лишь в дальнейшем, после того, как этот конфликт был уже улажен при посредстве Агафокла (сткк. 11 сл.), они вторглись в Скифию и на земли греческих городов (сткк. 14 сл.), что вызвало специальное посольство Агафокла к Золту, и в результате переговоров город откупился от неприятельских набегов значительной суммой (пять талантов, т. е. 1500 золотых статеров — немногим менее 13 кг по весу металла; сткк. 17 сл.). Только после этих событий (*μετά δὲ τούτων*) последовало новое нашествие фракийцев, задевшее сначала опять-таки истрийскую хору (*ἐμβλαδόντων αὐτῶν*—scil. τῶν Θρακικῶν—*εἰς τὴν χορὰν*) и лишь в дальнейшем приведшее к осаде Бизоны и разо-

²² Хр. М. Д а н о в, Древна Тракия, София, 1969, стр. 433 сл.; Т. Г е р а с и м о в, Кельтский селища на горнето течение на Тополница, ИБАИ, XXIX, 1966, стр. 133 сл.; И. В е н е д и к о в, Кельтското нашествие в нашите земи през III в. пр. н. е., ИИ, XI, 1955, кн. 3, стр. 77 сл.; N. V u l i č, Les celtes dans le nord de la péninsule Balcanique, «Le musée Belge», XXX, 1926, № 4, стр. 231 сл.

²³ Р. Вульпе видел в нем предводителя разбойников (Histoire ancienne de la Dobroudja, стр. 89; ср. о н ж е, Histria, Zoltes și Rhemaxos, «Gândirea», XI, 1931, № 9, стр. 363), однако Д. М. Пишиди показал (Contribuții..., стр. 205—207), что надпись дает основание видеть в Золте одного из династов, власть которого носила государственный характер.

²⁴ Г. М и х а и л о в, Към история на Тракия през IV—III вв. пр. н. е., ИБАИ, XIX, 1955, стр. 150 сл.; ср. Хр. М. Д а н о в, Към история на Тракия и Западното Черноморие от втората половина на III в. до средата на I в. пр. н. е., ГСУФИФ, 47, 1952, № 2, стр. 105 сл.

²⁵ SEG, XVIII, № 288; ср. P i r p i d i, Contribuții..., стр. 170 сл.

²⁶ P i r p i d i, Monumente epigrafice inedite, стр. 498, № 4.

²⁷ P i r p i d i, Contribuții..., стр. 172 сл., 177 сл. Руссу без всякой аргументации помещает владения Залмодегика на юге Добруджи (ук. соч., стр. 131).

²⁸ V u l p e, Histoire ancienne de Dobroudja, стр. 90 (ср. о н ж е, Histria, Zoltes și Rhemaxos, стр. 363—364); L a m b r i n o, Décret d'Histria..., стр. 189; P i r p i d i, Contribuții..., стр. 205, прим. 55; R u s s u, ук. соч., стр. 130.

рению ее владений (καὶ Βιζώνην μὲν πολιορκούντων τὴν τε χώραν πορθούντων, сткк. 25—26). Такая последовательность событий, совершившихся, очевидно, в течение нескольких лет²⁹, становится понятной, если принять, что нападения предводительствуемых Золтом фракийцев (Θραικῶν τε τῶν περὶ Ζόλτην, стк. 14) имели свою базу сравнительно недалеко от Истрии (πρόσχωρος Θραικίη) и постепенно распространялись от ближайших ее окрестностей далее к югу, а никак не от склонов Балкан или Делнорманской возвышенности на север, вглубь Добруджи. В таком случае Золта можно со значительной степенью вероятности рассматривать как одного из премников Залмодегика, и, поскольку в последнем узнают гета³⁰, Золт скорее всего также может быть признан гетом³¹.

В отличие от Залмодегика и Золта, владения которых лежали неподалеку от Истрии и лишь частично распространялись, быть может, на левый берег Дуная, владения царя Ремакса находились именно на левом берегу реки. В самом деле, надежды на военную помощь истрийские граждане определенно связывали с переправой царя через реку (сткк. 45—46: μέγχι τῆς διαβάσεως τῆς τοῦ βασιλεως Ῥημάξου) и такая переправа действительно последовала (стк. 46: διαβάντος τε τοῦ βασιλεως εἰς τὴν πέραν); переправляться εἰς τὸ πέραν пришлось в дальнейшем и царским всадникам (сткк. 52 слл.) Поэтому царство Ремакса следует искать либо к северу от устьев Дуная, либо к западу от его нижнего течения, т. е. в Южной Бессарабии или в бассейнах Серета и даже Яломицы. Румынские ученые склоняются преимущественно в пользу последнего предположения³², но их аргументация, подробнее всего изложенная в работах Д. Пиппиди и С. Ламбрино³³, не представляется ни исчерпывающей, ни убедительной. В самом деле, согласно тексту надписи, в один из самых опасных для Истрии моментов Агафокл отправился в резиденцию Ремакса водным путем (сткк. 49—50: ἀποδηήσας κατὰ πλοῦν), однако стремление доказать, будто это оказалось положительно необходимым по той единственной причине, что путь по суше был отрезан, опирается, как кажется, лишь на не совсем точное истолкование текста: предшествующие слова (τῆς χώρας ὁδοῦς ἐν πολέμῳ) служат здесь, как и в других местах декрета³⁴, лишь указанием на время избрания Агафокла послом, а не мотивировкой для предпочтения того или другого способа передвижения. Разумеется, точные обстоятельства, связанные с этой поездкой, остаются неизвестными, но показательно, что ранее Агафокл не побоялся опасностей, сопряженных с продвижением через занятую врагом территорию (ср. сткк. 17 сл.: ἀπεδήμησεν διὰ τῆς πολέμιας ἔδνης), как не утрастились

²⁹ По Ламбрино (Décret d'Histria..., стр. 199—200) — примерно 6—7 лет из тех 10—15 лет, которые описаны в надписи; ср. J. et L. Robert, ук. соч., стр. 187, № 234.

³⁰ P i p p i d i, Contribuții..., стр. 172; R u s s u, ук. соч., стр. 130, прим. 15; стр. 131, прим. 16.

³¹ См., например, R u s s u, ук. соч., стр. 130.

³² Исключением являются труды И. Руссу (ук. соч., стр. 131—136) и Х. Дайковичу (H. D a i c o v i c i u, «Regatul» lui Rhemachos, «Acta musei Napocensis», IV, 1967, стр. 445—446); первый помещает владения Ремакса между Прутом и Бугом, второй считает, что документ не дает возможности точно их локализовать.

³³ L a m b r i n o, Décret d'Histria..., стр. 202—203, 205—209 (ср. о н ж е, Cetatea Histria, стр. 591); P i p p i d i, Contribuții..., стр. 210—212; о н ж е, A propos du basileus Rhemachos, «Acta antiqua Philippopolitana. Studia historica et philologica», Serdicae, 1963, стр. 94—98 (ср. P i p p i d i, B e r c i u, Geți și greci..., стр. 229—230); ср. также V u l p e, Nouăți arheologice, стр. 294; о н ж е, Histria, Zoltes și Rhemachos, стр. 362—364; о н ж е, Histoire ancienne de la Dobroudja, стр. 88—89, 411 (ср. Istoria României, I, București, 1960, стр. 189, 243).

³⁴ Ср. сткк. 6 сл.: τῆς τε πόλεως ὁδοῦς ἐν ταραχῇ... αἰρεθεῖς τεξάρχησι; сткк. 53 сл.: τῆς τε χώρας ὁδοῦς ἀφολάκτου αἰρεθεῖς πρεζβευτής (sic); ср. также сткк. 14 сл., 25 сл., 33 сл., 49 сл.

подобных трудностей истрийские послы несколькими десятилетиями ранее (SEG, XVIII, № 288, сткк. 7 сл.: ἀπεδήμησάν τε διὰ τῆς πολέμιας πάντα κίνδυνον ὑπολείποντες). Между тем в то время, когда Агафокл пустился в плавание, чтобы добраться до местопребывания Ремакса, особых препятствий на этом пути не было: ведь царь, переправившись через реку, отправил в Истрию посланцев, которые потребовали дани (сткк. 47 сл.: ἀποτείλαντος δὲ — scil. τοῦ βασιλέως — ἀγγέλους καὶ ἀπαιτοῦντος τὸν φόρον) и, судя по всему, достигли цели. Равным образом и всадники Ремакса не плывут к Истрии на кораблях — им достаточно переправиться через Дунай, чтобы оказаться вблизи от города³⁵. Но в таком случае не приходится категорически утверждать, будто царство Ремакса лежало в Валахии, в бассейне Бузеула или даже Яломицы, как это предполагает Ламбрино и считает возможным Пиппиди³⁶, — поездка водным путем, хотя и была связана с тяжелым положением Истрии, но отнюдь не должна рассматриваться как дальний, окружной и единственно возможный путь, так как город был, очевидно, заинтересован не столько в личной безопасности посольства, сколько в незамедлительном получении военной помощи. Другими словами, имеются все основания искать державу Ремакса не слишком далеко от моря, т. е. на северном берегу Дунайской дельты, на юге нынешней Бессарабии³⁷.

Из сказанного не следует, впрочем, что нужно соглашаться с теми, кто хотел видеть в Ремаксе царя скифов³⁸. И. Руссу, отстаивающий это предположение и приводящий в связи с ним немало сведений о скифах и их стране, не учитывает в достаточной мере тех изменений, которые произошли в скифских степях в IV—III вв. до н. э. Действительно, ничто не дает оснований допускать, будто во времена Агафокла и Протогена скифы составляли сколько-нибудь значительную силу в нынешнем Буджаке: еще Александр (в 335 г. до н. э.) и Лисимах (в начале III в. до н. э.) нашли на северном берегу Дунайской дельты гетов³⁹, и археологические материалы подтверждают, что восточная граница расселения последних проходила в эллинистическую эпоху и даже раньше по правому берегу Нижнего Днестра и его лимана⁴⁰. В полном соответствии с этим Страбон не знает реальных скифских племен к северу от Дуная. Опираясь на «новейшие сведения», он помещает к востоку от занятых германцами земель Европы гетов, заселяющих оба берега Дуная, а к северо-востоку от них — тирегетов и бастарнов (Strabo, II, 5, 12; VII, 1, 1; 3, 1; SC, I, 102, 108, 109), специально оговариваясь (II, 1, 41), что эти народы были неизвестны во времена Эратосфена. За перечисленными племенами живут «до реки Танаида и Меотийского озера» не скифы, а савроматы (II, 5, 30; SC, I, 104), среди которых различаются язиги и роксоланы (VII, 2, 4; SC, I, 108—

³⁵ R u s s u, ук. соч., стр. 134—135.

³⁶ См. в особенности L a m b r i n o, Décret d'Histria..., стр. 202 слл.

³⁷ R u s s u, ук. соч., стр. 135—136; ср. D a i c o v i c i u, ук. соч., стр. 446.

³⁸ R u s s u, ук. соч., стр. 133—143; ср. R o s t o v t z e f f, Skythien und der Bosporus, стр. 493, прим. 1. Аналогичное высказывание Робера (L. R o b e r t, Epigraphie, — «L'histoire et ses méthodes», P., 1961, стр. 453) не должно, однако, приниматься во внимание. см. J. et L. R o b e r t, Bulletin epigraphique, REG, LXXVII, 1964, стр. 196; LXXXI, 1968, стр. 487.

³⁹ S t r a b o, VII, 3, 8; 14; D i o d., XXI, 11—12; P a u s., I, 9, 6; A r r i a n., Anab. Alex. I, 3—4; J u s t., XVI, 1, 9; ср. K. M ü l l e n h o f f, Deutsche Altertumskunde, III, В., 1892, стр. 134 слл.; V. P â r v a n, Getica, o protoistriei o Daciei, București, 1926, стр. 54 сл., 57 сл.; Т. Д. З л а т к о в с к а я, Л. А. П о л е в о й, Города гетов Пруто-Днестровского междуречья в IV—III вв. до н. э. и вопросы политической истории гетов, МИА, № 150, 1969, стр. 56 сл.

⁴⁰ А. И. М е л ю к о в а, К вопросу о границе между скифами и гетами, МИА, № 150, 1969, стр. 78—81; о н а ж е, Поселение IV—III вв. до н. э. Николаевка, РСИА, вып. 109, 1967, стр. 64.

109), причем последние обитают «выше Борисфена» и являются крайними из всех известных народов «скифского происхождения» (II, 5,7; SC, I, 101). Эта диатеса наиболее подробно изложена при перечислении народностей, живущих вдоль черноморского побережья между Истром и Борисфеном (VII, 3,17; SC, I, 120): здесь последовательно размещены «пустыня гетов», тирегеты, язиги-сарматы, так называемые «царские» и урги; при этом отмечено, что «внутри материка» в соседстве с тирегетами живут бастарны (среди них названы племена атмонов, сидонов и певкинов); в заключение названы роксоланы, «самые северные, занимающие равнины между Танаидом и Борисфеном».

Строгое соответствие всех этих сообщений друг другу, отчетливое противопоставление их не только Эфору с его архаическим размещением племен Скифии (II, 5,12)⁴¹, но и Эратосфену, о котором прямо сказано (II, 1,41), что ему были недостаточно известны страны, находящиеся к северу от Понта Евксинского, делают весьма вероятным, что в основе сведений Страбона лежат данные Артемидора Эфесского, составившего в конце II в. до н. э. обширный, но не сохранившийся географический труд⁴². К сожалению, вопрос об источниках самого Артемидора недостаточно ясен. Вполне вероятно, однако, что часто повторяемый Страбоном тезис о слабой изученности северных стран (особенно VII, 2,4; SC, I, 108—109) восходит к Артемидору (ср. Plin., II, 245; SC, II, 168). Во всяком случае один из его источников — составленный в конце III или даже в начале II в. до н. э. труд каллатийца Деметрия — не располагал, по-видимому, подробными сведениями о черноморском побережье между Днестром и Крымом⁴³, и потому нарисованная Страбоном картина расселения племен между Дунаем и Днепром, если она действительно восходит через Артемидора к Деметрию⁴⁴, неминуемо должна была оказаться тем сухим перечнем этнонимов, который сложился в результате сокращения и без того скудных сведений Артемидора⁴⁵.

В свете сказанного можно по достоинству оценить неоднократно повторяемое предположение о том, что то место Страбона, в котором дано наиболее подробное перечисление народов, живущих между Истром и Борисфеном (VII, 3, 17), испорчено в рукописной традиции и требует исправления. В частности, здесь усматривали указание на древнейших обитателей Скифии и соответственно полагали, что οὐ Βασιλείοι λεγόμενοι Страбона являются царскими скифами Геродота (IV, 59; SC, I, 25: οὐ καλεόμενοι βασιλῆες Σκῆθαι), тогда как не упоминаемые ни одним другим автором урги (Ὀβρυοί) появились на свет в результате искажения слов

⁴¹ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 5—6, 28—30, 38—39, 80—82, 88—91.

⁴² М. И. Ростовцев, Страбон как источник для истории Боспора, «Сборник статей в честь В. П. Бузескула», Харьков, 1914, стр. 368 слл.; ср. о н же, Скифия и Боспор, стр. 8, 71, 140—141. В другом месте (Скифия и Боспор, стр. 34—35, 38—40) сделаны оговорки в пользу Посидония, но следует, видимо, предпочесть Артемидора, трудом которого Страбон пользовался при описании Кавказа (К. J. N e i m a n n, Strabo's Landeskunde von Kaukasien, JClPh, XIII, 1884, стр. 319 сл.): Ноймани показал, что Артемидорово описание шло в направлении с востока к западу, и хотя Страбон придерживается противоположного порядка, он дважды намечает подразделения своей диатесы в той же последовательности, что и Артемидор (VII, 3, 17): сначала перечислены живущие «между Борисфеном и Истром», затем «между Танаидом и Борисфеном». Отметим также, что в этих местах не упомянуты столь близкие Посидонию (Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, стр. 40—41) кельты.

⁴³ Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 32, 34, 36.

⁴⁴ Ростовцев, Страбон как источник..., стр. 380; о н же, Скифия и Боспор, стр. 33.

⁴⁵ Ростовцев, Страбон как источник..., стр. 376; о н же, Скифия и Боспор, стр. 34.

Геродота о скифах-земледельцах (IV, 54: οἱ γεωργοὶ Σκύθαι)⁴⁶. При несомненном внешнем правдоподобии этой догадки, ничем, впрочем, не подтвержденной⁴⁷, не приходится забывать, что Страбон весьма критически настроен к сообщениям Геродота о племенах Скифии (Strabo, XII, 3,21; SC, I, 159; ср. также I, 2, 35; XI, 6, 3), и мы нигде не находим у него следов механического соединения данных Геродота с позднейшими сведениями. С другой стороны, источником Страбоновой диатесы северочерноморских племен нельзя считать Эфора, тесно связанного с Геродотовой традицией⁴⁸. Если принять к тому же во внимание, что перенесение царских скифов и особенно скифов-земледельцев на запад, будучи само по себе возможным, не подтверждается археологическими материалами и что οἱ βασιλικοὶ Σαρμάται упомянуты не только в компилятивном труде Птолемея (V, 8,16; SC, I, 239), но и в историческом сочинении Аппиана (Mithr. 69; SC, I, 528), где они определено отнесены вместе с язигами к числу сарматских племен (Σαρματῶν οἱ τὲ Βασιλικοὶ καὶ Ἰαζυγες) и помещены — применительно к эпохе Митридата — рядом с кораллами и другими фракийскими племенами, «живущими у Истра, Родопы и Гема», то мы не находим оснований сомневаться в том, что οἱ Βασιλικοὶ Страбона были вполне конкретным сарматским племенем⁴⁹.

Признавая, таким образом, историческую реальность царских сарматов и ургов Страбона⁵⁰ и помещая их в конце III или в начале II в. до н. э. в степи, западнее Нижнего Днепра, трудно воздержаться от сопоставления первого из этих племен с саями декрета в честь Протогена. Греческое субстантивированное прилагательное βασιλικοὶ может, как давно указывалось, рассматриваться в качестве кальки древнеиранского этнонима, а форма Σάτοι (*Ξάτοι) надежно связывается с ав. χši-(санскр. kši-) со значением «властвовать», «царствовать» (ср. χšaуаθiуа «царь»

⁴⁶ М. И. Артамонов, Вопросы истории скифов в советской науке, ВДИ, 1947, № 3, стр. 76 (ср. о н ж е, Этнический состав населения Скифии, «Доклады VI Научной конференции ИА АН УССР», Киев, 1953, стр. 189); Б. Н. Граков, Термин Σκύθαι и его производные в надписях Северного Причерноморья, КСИИМК, вып. 16, 1947, стр. 86 (ср. о н ж е, Каменское городище на Днестре, МИА, № 36, 1954, стр. 26, 27, 30); ср. M ü l l e n b a f f, ук. соч., стр. 35; L. N i d e r l e, Slovanské starozitnosti, I, 1, Praha, 1902, стр. 327.

⁴⁷ Указывают на сокращение Страбоновой «Географии», где отсутствуют урги, а после язигов названы οἱ βασιλικοὶ λεγόμενοι Σκύθαι (SC, I, 166), но так как этот труд составлен в X в. византийскими эпитоматорами, не приходится сомневаться, что все место (вплоть до орфографии!) выправлено по хорошо известному им Геродоту (и границы описываемой области намечены «между рекой Истром и Борисфеном», т. е. не по Страбону, см. выше, прим. 42), причем вместо «гетской» названа «скифская пустыня» — ведь для Геродота Скифия начиналась ἀπὸ Ὀιστρού.

⁴⁸ Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 35 (ср. о н ж е, Страбон как источник..., стр. 375); автор опровергает предположение Гайльманна (С. H e i l m a n n, Quibus auctoribus Strabo usus sit in describenda maris Pontici, Halle ^a/S., 1885), согласно которому диатеса Страбона есть результат объединения его собственных наблюдений со взглядами Эфора.

⁴⁹ Ф. А. Браун, Разыскания в области гото-славянских отношений, I, СПб., 1899, стр. 92. Л. А. Ельницкий правильно отмечает, что термин «царские» в приложении к скифам, сарматам или гуннам выделяет племя, возглавляющее их союзы (Л. А. Е л ь н и ц к и й, Знания древних о северных странах, М., 1961, стр. 163), но он ошибочно истолковывает его в приведенном тексте Страбона как эпитет язигов (там же, стр. 162).

⁵⁰ Отмеченное еще Авг. Беком (SIG, II, стр. 115) наличие однокоренных личных имен в Ольвии (Ουργβχζος — IOSPE, I², № 95, 101) и Боспора (Ουργτιος — CIRB, № 362, 1262) с несомненной иранской этимологией (J. H a r m a t t a, Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia, Budapest, 1952, стр. 51; ср. F. J u s t i, Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895, s. v.; Б р а у н, ук. соч., стр. 93) делает излишним обращение к ономастологии Кавказа (ср. Е л ь н и ц к и й, ук. соч., стр. 87).

ахеменидских надписей)⁵¹. Такая этимология подошла бы, разумеется, и к царским скифам Геродота, но Σκιδαι упоминаются в том же декрете отдельно, рядом с малоизвестными тисаматами и савдаратами (в последних, впрочем, видят какую-то часть Геродотовых меланхленов)⁵². Не следует также упускать из виду, что отождествление саиев надписи с царскими скифами Геродота плохо согласуется не только с уже рассмотренными, но и другими сообщениями Страбона, источником которых был на этот раз, по-видимому, труд Посидония, заверченный в первой четверти I в. до н. э., но составленный в значительной мере на основании более ранних произведений⁵³. Реально известных ему европейских скифов Страбон размещает (VII, 4, 5; SC, I, 126) в двух географически разобщенных районах — в степях Крыма и далее к северу до Нижнего Днепра и в отрыве от предыдущих — в Добрудже. Это, следует заметить, хорошо увязывается со свидетельствами первой группы, согласно которым степные просторы к востоку от тирететов и бастарнов и до самого Дона и Приазовья заняты сарматскими, а не собственно скифскими племенами.

Подтверждение сообщениям Страбона дают как произведения других античных писателей (см. ниже), так и эпиграфические документы. Здесь не место останавливаться на скифах, укрепившихся в Крыму⁵⁴, но нельзя не подчеркнуть, что поскольку составитель херсонесского декрета в честь Диофанта указывает, будто последний проник «в середину Скифии» (IOSPE, I², № 352, I, 12: εἰς μέσων τῶν Σκιδίαν προῆλθε), тогда, как отряды понтийского военачальника достигли только Неаполя, то крымская Скифия Страбона была на рубеже II—I вв. до н. э. вполне конкретным географическим понятием. Другое эпиграфическое упоминание о Скифии дает, как уже указывалось, рассматриваемый истрийский декрет⁵⁵, и нет оснований сомневаться, что эта Σκιδία идентична той болотистой Малой Скифии, которую Страбон (VII, 5, 12; SC, I, 126, прим.) помещает к югу от Истра.

Вопрос об исторической роли скифов на Дунае требует отдельного изучения и в рамках настоящей статьи не может быть рассмотрен во всем своем объеме. Отметим, однако, что сейчас приходится считать доказанным, что широко распространенное до недавнего времени представление о массовом проникновении скифов в VI—IV вв. до н. э. на правый берег Дуная

⁵¹ H a r m a t t a, ук. соч., стр. 52—53; В. И. А б а е в, Осетинский язык и фольклор, М.—Л., 1949, стр. 164, 189—190, 219—220; Б р а у н, ук. соч., стр. 92—93. Сомнения о правомерности перехода χς → σ (L. Z g u s t a, Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955, стр. 263, 270; M. V a s m e r, Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I, Lpz, 1923, стр. 50) устраняются наличием в ольвийских надписях параллельных форм Καρχήτος, Καρχιστος и даже Καρχιστος (IOSPE, I², № 82, 92, 132, 138, 205, 686), которые и Эгустой (стр. 104—105, 219—220), и Фасмером (стр. 41), и другими учеными (например, J u s t i, ук. соч., s. v.; ср. В. В. Л а т ы ш е в, IOSPE, I², стр. 116) считаются чисто графическими вариантами одного и того же антропонима.

⁵² Ср., например, N i d e r l e, ук. соч., стр. 275, 324; о племенах декрета в честь Протогена нами подготовлена отдельная работа.

⁵³ Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, стр. 8, 38—41, 100—102; ср. Г р а к о в, Каменское городище, стр. 21.

⁵⁴ См., например, М. И. А р т а м о н о в, Скифское царство в Крыму, ВЛГУ, 1958, № 8, стр. 56—78; Г р а к о в, Каменское городище, стр. 24—32; Э. И. С о л о м о н и к, О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья, АИБ, I, 1952, стр. 103—128.

⁵⁵ Метрические надгробия из Ольвии (IOSPE, I², № 226, 274) и Пантикапея (CIRB, № 117) пользуются термином «Скифия» в самом общем значении и в данном случае могут быть оставлены в стороне; ср. Г р а к о в, Термин Σκιδαι и его производные..., стр. 84.

не подтверждается археологическим материалом⁵⁶. Равным образом и во времена скифского царя Атея и после его гибели они не составляли большинства или основной части населения Добруджи⁵⁷. Тем не менее о присутствии скифов неподалеку от устьев Дуная в последней трети IV в. до н. э. сомневаться не приходится. Во время похода Александра против трибаллов и последовавшей затем переправы через Дунай, на левом берегу реки, против острова Певки, согласно Арриану (*Anab. Alex.* I, 3, 5) и Страбону (VII, 3, 8), проживали геты, город которых был разрушен завоевателями (*Arrian.*, *ibid.* 4, 3—5), а сами побежденные отступили в «пустынную степь» (*τὴ ἐρημία*), в которой без труда узнается гетская пустыня Страбона. Юг нынешней Бессарабии не был, разумеется, вообще лишен всякого населения — в долинах рек, далее к северу в лесостепной зоне и на правом берегу Днестровского лимана в IV—III вв. до н. э. известны поселения с гетской керамикой; на восточном берегу Днестра и его лимана открыты могильники и поселения скифского типа⁵⁸; в степи между Дунаем и Днестром встречаются порой скифские курганные погребения⁵⁹. С этим следует сопоставлять слова Арриана (*Anab. Alex.* I, 3, 2; *SC*, I, 514), который в начале своего рассказа (восходящего, как полагают, к современным походу наблюдениям будущего египетского царя Птолемея)⁶⁰ помещает скифов на левом берегу Истра, вплоть до самого устья, и сообщает Плутарху (*De Alex. fort.* I, 3; II, 471 *Bernandakis*), согласно которому Александр во время упомянутого похода угрожал племенам соседних скифов⁶¹. Участие этих же, по-видимому, «соседних скифов и фракийцев» в восстании граждан Каллатии и Истрии против Лисимаха (в 313 г. до н. э.) отмечено Диодором (XIX, 73, 2: *τῶν τε Θρακιῶν καὶ Σκιθῶν τοῦς ὁμοροῦντας*), причем после измены фракийцев и военного разгрома уцелевшие скифы отходят на левый берег Дуная⁶².

⁵⁶ *Pirpidi, Bergiu, Geti și greci...*, стр. 129—131 (ср. *Pirpidi, Contribuții...*, стр. 149—152; Д. Берчу, Фрако-скифский меч-эмблема из Меджидие, «*Dacia*», NS, II, 1958, стр. 93 сл., 119 сл.); А. И. Мелюкова, Скифские элементы в гетской культуре, КСИА, вып. 105, 1965, стр. 32—41 (ср. она же, К вопросу о границе..., стр. 65 сл.); Давнов, Древна Тракия, стр. 326—332, 362—376.

⁵⁷ Д. Б. Шелов, Царь Атея, *НС*, II, 1965, стр. 28 сл.; Р. Александеску, *Ataias, «Studii clasice»*, IX, 1967, стр. 89 сл.

⁵⁸ Мелюкова, К вопросу о границе..., стр. 73—78; она же, Раскопки скифских могильников IV—III вв. до н. э. «Археологические открытия 1968 года», М., 1969, стр. 279—280; она же, Работы Западно-скифской экспедиции, «Археологические открытия 1969 года», М., 1970, стр. 241—242; она же, Скифские курганы Тираспольщины, *МИА*, № 115, 1962, стр. 147 сл., 162—166.

⁵⁹ Н. М. Шмаглей, И. Т. Черняков, Курганы степной части между речья Дуная и Днестра, *МАСП*, вып. 6, 1970, стр. 66—67; А. В. Гудкова, Скифское погребение с конем из Нижнего Подунавья, «Археологические открытия 1969 года», М., 1970, стр. 240—241.

⁶⁰ Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 103.

⁶¹ Несколькими годами позже против скифов выступил Зопирион, безуспешно осаждавший Ольвию и уничтоженный скифами со всем его войском (*Just.*, XII, 2, 16; XXXVII, 3, 2; ср. *Masob.*, *Sat.* I, 11, 33; *SC*, II, 61, 62, 392). Указание Курция Руфа, полагающего, что поход был направлен против гетов (X, 1, 43; *SC*, II, 131—132), вполне понятно, так как на пути к скифским землям лежала гетская территория. Поэтому вряд ли следует приписывать Зопириону два похода — против каждого из народов (*A. Suseveanu*, *O ipoteza despre Zopyrion*, *SCIV*, XVII, 1966, № 4, стр. 635—644).

⁶² *Pirpidi, Bergiu, Geti și greci...*, стр. 217—218. Т. В. Блаватская верно возражает (Западнопонтийские города..., стр. 97) Р. Вульпе (*Histoire ancienne de la Dobroudja*, стр. 79), который считает этих скифов выходцами из Поднепровья, но слова Диодора (XIX, 73, 5), сообщающего, что после поражения они отступили за пределы страны, вряд ли означают, что речь идет о точно установленных границах (*oi oroi*) между македонскими и скифскими владениями в Добрудже (Т. В. Блаватская, Скифы и греки в Западном Причерноморье, ВДИ, 1948, № 1, стр. 209); и Филипп, и Александр, и Лисимах рассматривали в качестве границы именно Дунай (*Pargvan*, *Getica*, стр. 54; *A. Suseveanu*, *Un callatien dans l'armée d'Alexandre le Grand*,

После гибели Лисимаха (281 г. до н. э.) и распада его непрочной державы к югу от Дунайской дельты усилились фракийцы, и в первой половине III в. до н. э. Москон, — по-видимому, один из неизвестных письменным источникам гетских вождей — чеканил обрабатывавшиеся на севере Добруджи дидрахмы со своим именем и царским титулом⁶³. Нашествие кельтов не задело, надо полагать, этих областей⁶⁴, но положение греческих городов Добруджи пошатнулось вследствие неудачной войны против Византия⁶⁵, и около середины III в. до н. э. другой фракийский вождь — уже упоминавшийся Залмодегик — оказывается достаточно сильным, берет у граждан Истрии заложников и оказывает серьезное давление на город⁶⁶. В такой обстановке, надо полагать, возобновляются переходы скифов за Дунай, тогда как геты, напротив, начинают заметно распространяться в степях к востоку от Днестра⁶⁷. К концу III в. до н. э. обстановка во всех скифских степях усложняется в связи с приближением и проникновением сюда сарматов⁶⁸, скотоводческое хозяйство которых толкало пришельцев на жестокую борьбу с кочевыми племенами Скифии и приводило к опустошению страны⁶⁹. Тогда же и на западе, в бассейне Прута, появляются выходцы из далеких областей Европы — бастарны; они достигли к началу II в. до н. э. Дунайской дельты, где часть их обосновалась на острове Певке и стала называться певкинами⁷⁰. Результат и отчасти ход этих перемещений были известны Страбону — надо думать, не без влияния Посидония⁷¹ — и были учтены им при составлении диатесы племен, жи-

«Dacia», NS, X, 1966, стр. 341—345); трудно также представить, чтобы Лисмах ограничился после решительной победы отнесением противника от побережья (ср. Г р а к о в, Каменское городище, стр. 24).

⁶³ C. P r e d a, Monede de un tip necunoscut provenind din Dobrogea, SCIV, XV, 1964, № 3, стр. 401—408.

⁶⁴ Д а н о в, Древняя Тракия, стр. 433 слл. (ср. A. P i a t k o w s k i, Cnosiderații asupra cronologiei invaziei celte în Balcani, «Studii clasice», II, 1960, стр. 189 слл.). Ранее экспансия кельтского царства к северо-востоку значительно преувеличивалась (см. например, Г. К а ц а р о в, Кельты в старая Тракия и Македония, «Списание на Българската Академия на науките», кн. XVIII, 1919, стр. 54 слл., 64 слл.).

⁶⁵ P i r p r i d i, Contribuții..., стр. 32 слл.; Б л а в а т с к а я, Западнопонтийские города..., стр. 112 слл.

⁶⁶ P i r p r i d i, Contribuții..., стр. 172 слл.

⁶⁷ М. И. В я з ь м и т и н о в а, Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днестра, МИА, № 150, 1969, стр. 120—134. По-видимому, продвижение гетских поселений на восток не мешало кочевым скифам проникать в степь до самого Дуная; ср. Ш м а г л и й, Ч е р н я к о в, ук. соч., стр. 114.

⁶⁸ Датировка времени проникновения сарматов в Поднепровье и далее на запад не вполне ясна. Разумеется, не может быть речи о вытеснении ими скифов за Дунай во времена Атея (ср. T. T a l b o t R i c e, The Scythians, L., 1957, стр. 49; J. K a e r s t, Geschichte des Hellenismus, I, Lpz — B., 1927, стр. 256); скорее можно предполагать, что поражение Атея создало возможность для проникновения сарматов в Скифию (К. Ф. С м и р н о в, Савроматы, М., 1964, стр. 260—261; ср. Г р а к о в, Каменское городище, стр. 20—21). Однако начало массового продвижения сарматских племен в степи нынешней Украины фиксируется археологами около рубежа III—II вв. до н. э. (С м и р н о в, ук. соч., стр. 290; Г р а к о в, Каменское городище, стр. 28, 173; М. П. А б р а м о в а, Сарматские погребения Дона и Украины, СА, 1961, № 1, стр. 91 слл., 109 слл.; М. И. В я з ь м и т и н о в а, Культура населения нижнего Днестра после распада единой Скифии, СА, 1969, № 4, стр. 64 слл.).

⁶⁹ При вторжении сарматы, согласно Диодору (II, 43, 7; SC, I, 459), «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню».

⁷⁰ О местоположении Певки см. P i r p r i d i, Contribuții..., стр. 366—370. К сожалению, новейшая работа о певкинах (S. K a u f m a n n, Die Peukiner und ihre Schicksale im Donauraum, «Salzburger Museum Carolino Augusteum», IX, 1963) осталась мне недоступной.

⁷¹ Во всех соответствующих отрывках явственно выступает излюбленный мотив Посидония (Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, стр. 137—138), а именно, образование смешанных народностей.

вущих в бассейне Нижнего Дуная. Согласно Страбону, к югу от Истра живут по направлению к Адриатике — иллирийцы, а по направлению к Понту и далее к Пропонтиде — геты, другие фракийцы «и некоторые смешавшиеся с ними скифские и кельтские племена» (Strabo, VII, 5,1; ср. VII, 4,12; SC, I, 117). Несколько ранее о гетах сказано, что они «постоянно переселяются на тот и другой берег Истра и смешались с фракийцами и мисийцами»; причину этих переселений Страбон видит в том, что «скифы, бастарны и савроматы часто одолевали их (в данном случае подразумеваются трибаллы), так что в погоне за вытесненными некоторые из них (т. е. из числа скифов, бастарнов и савроматов) даже переправлялись через реку и оставались жить или на ее островах, или во Фракии; другие, напротив, переселялись с этой (т. е. с южной) стороны реки, терпя притеснения, в особенности от иллирийцев» (VII, 3, 13; SC, I, 118). Если добавить, что скифы переправлялись с востока «за Тиру и Истр», отчасти силой, отчасти мирным путем занимая принадлежащие фракийцам болотистые земли Малой Скифии (VII, 4,5; 5,12; SC, I, 126), то приходится признать, что Страбон не только начертил новую диатесу племен Нижнего Подунавья и прилегающих частей Северного Причерноморья, но и попытался набросать историю ее формирования.

Для целей настоящего исследования было бы в высшей степени важно выяснить, когда именно сложилась, хотя бы в общих чертах, данная согласно Страбону картина размещения племен в занимающем нас районе. Как указывалось, непосредственными источниками для соответствующих разделов «Географии» были скорее всего утраченные для нас произведения Артемидора и Посидония. Оба черпали материалы не столько из личных наблюдений, сколько из произведений своих предшественников; должны ли мы, таким образом, считать рассмотренную выше диатесу отражающей реальное размещение племен конца II и начала I в. до н. э. или мы имеем основание считать ее сформировавшейся несколькими поколениями ранее и зафиксированной впервые источниками Артемидора и Посидония, как это предполагал М. И. Ростовцев⁷²? Представляется, во всяком случае, что главные элементы известной нам в передаче Страбона диатесы действительно существовали в конце III и в первой половине II в. до н. э. Такой существенный момент, например, как наличие сарматских племен западнее Днестра, хотя и не находит прямого отражения в опубликованных до настоящего времени археологических материалах (а при кочевом быте сарматов такие материалы выявить не так-то просто), но получает некоторую поддержку в письменных источниках. Так, поздний рассказ Полиэна об Амаге (VIII, 56; SC, I, 568) восходит к хорошей эллинистической традиции, сложившейся, возможно, на основе северо-понтийских материалов. Этот рассказ воспроизводит реальные события или, во всяком случае, реальную обстановку второй половины III в. до н. э.⁷³: владения сарматского царя Медосакка достигают Черного моря (των ἐπὶ τῆν Ποντικῆν περὶ τὸν κατὰ τὸν Ἰσθμὸν)⁷⁴. Не менее существенно, что уже в 179 г. до н. э. сарматский правитель Гатал упомянут в числе союзников Понтийского царя Фарнака I при заключении последним мирного договора, завершившего продолжавшуюся около четырех лет войну про-

⁷² Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, стр. 34—35; о н ж е, Страбон как источник..., стр. 380.

⁷³ М. И. Р о с т о в ц е в, Амага и Тиргатао, ЗООИД, XXXII, 1915, стр. 58—61; ср. о н ж е, Скифия и Боспор, стр. 137—138; автор (а за ним В. В. С т р у в е, Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, М., 1968, стр. 179, 262, прим. 249) возводит этот эпизод едва ли не к труду херсонесского историка Сирика.

⁷⁴ А не Меотиды, как это пишет М. И. Ростовцев (Амага и Тиргатао, стр. 58), правильно, впрочем, помещающий центр этих владений недалеко от Перекопского перешейка (стр. 59).

тив царей Вифинии, Каппадокии и Пергама (Polyb. XXV, 2, 12; SC, I 444); в этом документе правитель европейских (τῶν κατὰ τὴν Ἑυρώπηην, — т. е. живущих западнее Дона) сарматов определен тем же титулом (ὁ δυνάστης), что и другой союзник Фарнака, Артаксий Армянский. Трудно допустить, что включение «сармата Гатала» (Γάταλος ὁ Σαρμάτης) в систему международных отношений эллинистического мира не имело за собой достаточно длительной предыстории. Чрезвычайно показательно, наконец, что после 170 г. до н. э. отпущенники и отпущенницы сарматского происхождения занимают прочное место в манумиссиях из Дельф (МИСГН, № 93—98), упоминаются в Аттике (там же, № 109) и на Родосе (там же, № 115). С другой стороны, сохраненное в перипле Псевдо-Скимна (frg. 103, v. 797; SC, I, 88) свидетельство Деметрия Каллатийского о «пришельцах-бастарнах» (Βαστάρνοι: ἐπιήλυδες), живущих неподалеку от устьев Истра рядом с фракийцами, и наличие в указанных дельфийских манумиссиях не только сарматов, но и бастарнов (МИСГН, № 88—89), которые занимали на рубеже III—II вв. до н. э. бассейны среднего Прута и Серета⁷⁵ и уже несколькими десятилетиями ранее продвинулись, надо полагать, к границам этого района⁷⁶, не позволяют сомневаться, что в основе сообщений Страбона лежит источник конца III или начала II в. до н. э., — быть может, труд того же Деметрия.

Что касается упоминаемого Страбоном проникновения скифов на правый берег Истра, то у нас нет оснований относить его ни ко времени Атея, о котором географ вспоминает мимоходом совсем в другом месте⁷⁷, ни к началу II в. до н. э., когда составитель надписи в честь Агафокла пользуется уже термином «Скифия» как не требующим объяснения топонимом и когда связь между скифами Крыма и Добруджи вряд ли существовала. Если учесть, что ни рассматриваемые нами письменные источники, ни археологические материалы не содержат точных данных о наличии постоянного скифского населения в Добрудже до III в. до н. э.⁷⁸, то мы должны будем согласиться, что Страбонова диатеса отражает черты действительности, более всего соответствующие результатам перемещения племен Северо-Западного и Северного Причерноморья, сложившимся к концу III или к началу II в. до н. э. Косвенное указание на такую дату можно отыскать и у самого Страбона: безводная степь Южной Бессарабии названа в тех частях его сочинения, которые восходят при посредстве Артемидора к Деметрию Каллатийскому, «пустыней гетов» (VII, 3, 14; 17; SC, I, 118, 120)⁷⁹, но в тех местах, где в качестве источника определенно назван самим Страбоном труд перипатетика Стратона Лампсакского, составленный в первой

⁷⁵ R. V u l p e, Le problème des bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. «Nouvelles études d'histoire présentées au X Congrès des sciences historiques», Bucarest, 1955, стр. 103—119; Д. А. М а ч и н с к и й, К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашевка, «Археология стран Старого и Нового Света», М., 1966, стр. 82—96; о времени проникновения ранних бастарнов в Молдавию см. Е. С о м а н, O piesă de podoabă germanică descoperită în jud. Neamț, SCIV, XIX, 1968, № 3, стр. 527—530; ср. также М. В а б е ș, I. U n t a r u, Der früheste Laténzeitliche germanische Fund aus der Moldau—der Kronenhäufung von Davideni, «Dacia», XIII, 1969, стр. 283—290.

⁷⁶ В прологе XXVIII книги Помпея Трога Bastarnici motus помещен между событиями 230—229 гг. до н. э.; N i d e r l e, ук. соч., стр. 292; ср. L. S c h m i d t, Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung, I, München, 1934, стр. 87—88.

⁷⁷ Об этом сообщении (S t r a b o, VII, 3, 18; SC, I, 121) см. Д. П. К а л л и с т о в, Свидетельство Страбона о скифском царе Атее, ВДИ, 1969, № 1, стр. 124 слл.

⁷⁸ G. S t e f a n, Contribuții arheologice la cunoașterea dacilor din Dobrogea de nord, Studii și referate privind istoria României, I, 1954, стр. 29—40; ср. выше, прим. 56—59.

⁷⁹ Нельзя согласиться с голословным утверждением о том, что это название возникло только после Биребисты (R u s s u, ук. соч., стр. 135, прим. 25).

половине III в. до н. э., на том же месте помещена «пустыня скифов» (I, 3, 7; ср. I, 3, 4; SC, I, 97). Наконец, не лишено значения и то, что Аполлоний Родосский, современник Птолемея Еввергета (247—221 гг. до н. э.), независимо от Страбона и его источников уже знает близ устьев Истра «смешанных с фракийцами скифов» (Argon. IV, 320; SC, I, 423; Ἐπιπέδον μιγάδες Σκυθῶν; ср. XV, 309 слл.)⁸⁰.

Возвращаясь к уточнению содержания термина «Скифия» в рассматриваемой истрийской надписи, отметим, что его обычно понимают как обозначение всей нынешней Добруджи⁸¹. Следует, однако, напомнить современные этому документу свидетельства хорошо осведомленного о своем родном крае Деметрия Каллатийского (его *αχιτή* датируется примерно рубежом III и II вв. до н. э.), сохраненные составителем ямбического перипла, известного под именем Скимна Хиосского⁸². Здесь мы находим кроме приведенного выше указания на присутствие вблизи устьев Дуная «пришельцев-бастарнов» еще несколько ценных сообщений. Так, город Одесс окружен, по словам перипла, фракийским племенем кробизов, тогда как вокруг города Томи обитают скифы (ἐπὶ Σκυθῶν κύκλοι δὲ περιτοκοῦμενοι); в окрестностях Дионисополя между этими народами проходит граница (Ps. Scymn., frg. 97—98, 101, vv. 750, 756, 766; GGM, I, 226—227). Если принять во внимание, что не только в римское время (известная *οροδρία* Лаберия Максима именно устанавливает *finis Histrianorum*)⁸³, но по крайней мере уже в середине III в. до н. э. города западнопонтийского побережья имели четко очерченные пределы подвластных им сельских территорий⁸⁴, то нельзя не признать, что и выражение *τῆ μεθόρια* в тексте перипла есть *terminus technicus*, отличающийся достаточной определенностью в государственно-правовом отношении. Это тем более важно, так как в декрете в честь Агафокла неоднократно повторяемый термин *χορὰ* (сткк. 10, 13, 25—26, 30, 32, 33, 42, 44, 48, 53) всегда имеет вполне конкретный смысл, определяя принадлежащий городу сельскохозяйственный округ. Термин *πόλις*, обозначающий в некоторых случаях «город» (в отличие от *χορῆς*, сткк. 10, 32, 44)⁸⁵, в остальных местах документа (сткк. 4—5, 6, 8, 24—25) употребляется со значением «организованная община граждан», «государство» (причем как в общественно-правовом, так и в географически-пространственном смысле)⁸⁶. Именно последнее из указанных значений имеет указанный термин и в тех строках (сткк. 15 сл.), где идет речь о вторжении фракийцев *εἰς τὴν Σκυθίαν καὶ τὰς Ἑλληνίδας πόλεις*, — ведь воины Золта не овладели ни одним городом, они только осаждали Бизону и угрожали Истрии (стк. 25). Но в таком случае следует признать, что топоним «Скифия» отличается составителем декрета от территорий,

⁸⁰ Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 32, прим. 1.

⁸¹ «Toute la Dobroudja portait le nom simple de Scythie», утверждает, к примеру, Дамбрино (Décret d'Histria..., стр. 190), имея в виду терминологию декрета; так же считают другие румынские ученые (P i r p i d i, Contribuții..., стр. 211; Al e x a n d r e ș c u, Atajias, стр. 90 и др.).

⁸² Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 26—28, 32—33, 37—38.

⁸³ SEG, I, № 329, ср. P i r p i d i, Contribuții... стр. 349 слл.

⁸⁴ Это следует из слов Мемнона (frg. 13; FGH, III B, 434), указывающего на такую границу между городскими территориями Каллатии и Томи (ср. P i r p i d i, Contribuții... стр. 155; P i r p i d i, B e r c i u. Geți și greci..., стр. 197—198). Замечание Мемнона относится ко времени войны греческих городов Добруджи против Византия, которую относят к середине III в. до н. э. (например, ко времени около 264—255 гг.; ср. В. П. Н е в с к а я, Византизм в классическую и эллинистическую эпохи, М., 1953, стр. 139).

⁸⁵ Такое противопоставление города и хоры прослеживается и в более позднем истрийском декрете в честь Аристагора (SIG, II³, № 708, сткк. 8—9, 14, 15, 28, 32—33).

⁸⁶ H. G. L i d d e l l, R. S c o t t, Greek-English Lexicon, 7 ed., Oxf., 1890, s. v. Позднейшие латинские надписи Добруджи передают это понятие словами *civitas* (CIL, III, № 769, 14450) или *res publica* (там же, № 7537, 7539, 12493).

входящих в состав τῶν πόλεων (в смысле «государство», «страна»); иными словами, αἱ Ἑλληνίδαι πόλεις, подчиненные верховной власти царя Ремакса (разумеется, включая их χῶραι)⁸⁷, не осознавались современниками и участниками описанных в декрете событий как составные части Скифии⁸⁸.

Область, занятая переселявшимися из-за Тираса и Истра скифами на правом берегу Дуная, определена Страбоном как страна, имеющая плохую почву и к тому же болотистая (VII, 4, 5; 5,12; SC, I, 126); подразумеваются, очевидно, нижнедунайские плавни, которые и образуют ее северную и западную границы. На юге рубеж между скифами и кробидами проходил во времена Деметрия недалеко от Дионисополя (Ps. Scymn., frg. 98, vv. 756—757); речь должна идти, как полагают, о долине реки Батова (Zygas amnis Плиния), т. е. о той местности, где безводные степи Добруджи начинают переходить в лесистую предбалканскую возвышенность⁸⁹. Восточная граница этой Скифии проходила на рубеже III—II вв. до н. э., согласно сказанному, не по морскому берегу (за исключением некоторых пунктов⁹⁰), а несколько отступя от него, т. е. там, где оканчивались владения припонтийских городов, другими словами, их хоры. Такая сложность очертаний рассматриваемой восточной границы задунайской Скифии в занимающее нас время связана с тем, что она была не только географическим понятием, но и политически организованным целым. Об этом позволяет судить найденная еще в XVI в., но впоследствии утерянная надпись из Одесса, в которой упомянут некий антиохиец, отправившийся πρὸς βασιλεὶ Σκοῦθῶν Κανίτα и оказывавший при этом материальную помощь и всяческую поддержку прибывавшим к царю гражданам⁹¹. Монеты Канита и его преемников⁹², нередко встречающиеся во многих местах от Одесса до Томи, на Левке, в Тире, в Ольвии и даже в Крыму⁹³, также свидетельствуют о существовании в Добрудже государства, а так как в декрете Канит определенно назван царем скифов, то попытку отнести его

⁸⁷ В надписи, кроме многочисленных упоминаний об истрийской хоре, названа также хора Бизоны (сткк. 25—26).

⁸⁸ Это отметил (не приводя, впрочем, никакой аргументации) уже П. Руссу (ук. соч., стр. 140). Добавим к сказанному в тексте, что и согласно Страбону (VII, 4,5; SC, I, 126) только «значительная часть» занятой скифами территории на правом берегу Дуная получила название Малой Скифии.

⁸⁹ V u l p e, Histoire ancienne de la Dobroudja, стр. 56 сл.; ср. P. K r e t s c h m e r, Scythia Minor, RE, II-A, 1923, стб. 946.

⁹⁰ Это следует из слов Плиния (IV, 44; SC, II, 169), называющего среди скифских городов (oppida) Афродисиаду, являющуюся, согласно Стефану Византийскому, приморским городом в Скифии (SC, I, 255), а также Чартенополь, который, судя по указанию Евтропия (VI, 10), находился между Томи и Каллатией п., наконец, Геранию (на берегу севернее Варны); ср. R. V u l p e, Gerania, Cranea, Escrené, «Balcania», VI, 1943, стр. 14—24; J. W e i s s, Die Dobrudscha im Altertum, historische Landschaftskunde, Sarajewo, 1914, стр. 24—25. В римское время Скифией именуется, согласно периплу, именно прибрежная полоса от Истрии до Аполлонии (A r r i a n. Per. 36 M., Ps. A r r i a n. Per. 87 M.; ср. P l i n., III, 149; SC, I, 400, 421; II, 169); при Диоклетиане провинция Scythia охватывала всю Добруджу (R. V u l p e, I. V a r n e a, Romaniai la Dunarea de jos, Bucureşti, 1968, стр. 370 сл.).

⁹¹ IGB, I, № 41. Нельзя согласиться, будто обломок другой надписи из Варны (там же, № 42) является копией того же декрета и может быть использован для уточнения его хронологии (P i r p i d i, Contribuții..., стр. 152, прим. 107), так как тексты документов не идентичны (лишь в одном указано, что плита должна быть выставлена в святилище Самофракийских богов).

⁹² K. R e g l i n g, Charaspes, «Corolla numismatica in Honour of B. V. Head», Oxf., 1905, стр. 259—265; V. S a n a r a c h e, Monetele scitilor din Dobrogea: SCIV, I, 1950, стр. 213—253; Т. Г е р а с и м о в, Монеты от Канит, Тануза, Харасп, Акроза и Сария, ИВАД, IX, 1953, стр. 53—58.

⁹³ S a n a r a c h e, ук. соч., таблица на стр. 255 и карта (на вклейке); П. О. К а - р ы ш к о в с к и й, Монеты западнопонтийских династий, найденные в Северном Причерноморье, СА, 1962, № 4, стр. 55—58.

монеты (равно как и тесно связанные с ними стилом и общностью многих типов монеты других царей) к какому-то неизвестному гетскому политическому образованию на правом берегу Дуная⁹⁴ следует признать лишеной серьезных оснований. Такой вывод подтверждается также и иранской (resp. скифской) принадлежностью имен всех царей, чеканивших упомянутые монеты⁹⁵. Эти последние относятся ко II, быть может, отчасти к самому концу III или к первому десятилетию I в. до н. э., но и в эту эпоху, как показывают археологические материалы (ср. выше, прим. 78 и 56), скифы не составляли численно преобладающей части населения Добруджи⁹⁶, получившей свое имя, по-видимому, не только в результате их государственно-политической организованности, но и вследствие сходства природных условий с собственно скифскими степями⁹⁷. Мы не располагаем, к сожалению, данными о конце этого скифского царства, которое вряд ли пережило краткий подъем гетского могущества при Биребисте; однако остатки скифского населения существовали в этом районе еще в I в. н. э. (Plin., III, 149; IV, 41; SC, II, 169)⁹⁸.

Предположение об относительной немногочисленности укрепившихся в Добрудже скифов, отмеченные Плинием черты их быта (наличие городов, хлебопашество как основное занятие), наконец, систематическая чеканка монеты позволяют, как представляется, объяснить доброжелательное отношение их правителей к греческим городам побережья, вырисовывающееся при сравнении декрета граждан Одесса в честь ездившего к Каниту антиохийца с истрийскими надписями, упоминающими гетских вождей Залмодегика или Золта. Не лишено значения и то, что монеты с именами Канита и его преемников не только изготовлялись (в отличие от упомянутых выше монет Москона, ср. прим. 63), на монетных дворах греческих городов и, без сомнения, греческими мастерами, но и отмечались именами городских магистратов (ΑΡΙΣ, ΒΑΚ, ΑΝΔΡΟ, ΕΥ и др.). Так как местами их чеканки были Томи, Каллатия, Дионисополь и Одесс⁹⁹, а монеты выпускались на протяжении многих десятилетий, то и они могут указывать на то, что имевшие в лице фракийцев (и бастарнов) общих врагов скифы и греки Добруджи стремились к установлению дружественных или, по крайней мере, не враждебных отношений. Такое предположение подтверждается и активным участием скифов в вооруженной борьбе греческих городов как против Лисимаха в 313 г. до н. э. (Diod., XIX, 73, 2), так и против римского военачальника Антония Гибриды, коллеги Цицерона по консулату, в 62 г. до н. э. (Cass. Dio, XXXVIII, 10, 3), — т. е. в начале и в конце занимающего нас периода. Но в таком случае, не являлись ли немногочисленные и дружественные грекам скифы Добруджи теми безмянными варварами, которые, согласно декрету в честь Агафокла (сткк. 43—44), искали защиты за стенами Истрии и были готовы с оружием в ру-

⁹⁴ D. T a s c h e l l a, Cinque rois des gètes, «Revue numismatique», 4 серия, т. VII, 1903, стр. 31—39.

⁹⁵ R e g l i n g, ук. соч., стр. 263; ср. Л. И. Т а р а с ю к, Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи, КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 22—30. Скифская принадлежность таких топонимов, как Zalpara, Asanraeus и Calabaeus (V u l p e, Histoire ancienne de la Dobroudja, стр. 57), равно как и упоминаемых Плинием (IV, 44) «скифских городов» Libistus, Rhosobae и Zugere, вызывает сомнения.

⁹⁶ Возможно, что монеты чеканены скифскими царями, захватившими власть над частью гетов, см. А. В. О р е ш н и к о в, Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья, М., 1915, стр. 9—10; Д. Б. Ш е л о в, Западное и Северное Причерноморье, «Античное общество», М., 1967, стр. 222.

⁹⁷ W e i s s, ук. соч., стр. 2—3; R. V u l p e, Dobrogea meridională în atichitați, «Analele Dobrogei», XIX, 1933, № 2, стр. 10—11.

⁹⁸ Ср., однако, замечание того же Плиния (IV, 81; SC, II, 172): Scytharum nomen usqueaque transit in Sarmatas atque Germanos etc.

⁹⁹ Кроме упомянутой выше (прим. 92) литературы см. М. М и р ч е в, Към въпроса на мястото на сеченето на скитските монети, ИВАД, XII, 1961, стр. 132.

ках выступить против фракийцев Золта вместе с гражданами? Такая мысль не должна казаться недопустимой, так как в это самое время и обитавшие неподалеку от Ольвии скифы точно так же стремились укрыться за городскими укреплениями при известии об угрозе нашествия галатов и скиров ¹⁰⁰.

Здесь уместно напомнить, что обе занимающие нас надписи не знают еще на Нижнем Дунае бастарнов ¹⁰¹. Немецкие ученые видят, правда, отождествляемых ими в большинстве случаев с германцами бастарнов в галатах декрета в честь Протогена ¹⁰², но такое отождествление весьма маловероятно. Трудно, в частности, допустить, что составители документа, называя бастарнов галатами, тут же присоединили к ним в качестве особого племени скиров ¹⁰³: либо в их словоупотреблении термин *Γαλάται* объединял всех вообще северных варваров ¹⁰⁴, либо — и это представляется более вероятным — перед нами этнические термины одного уровня, т. е. «галаты» — такое же конкретное обозначение одной части угрожавших Ольвии варваров, как «скиры» другой; ведь ольвиополиты узнали о союзе и военных приготовлениях этих племен от перебежчиков (B, 5: τῶν δὲ αὐτομόλων ἐπαγγελλόντων), которые, естественно, обозначали своих вчерашних друзей их живыми самоназваниями, а не условно-литературными наименованиями ¹⁰⁵.

Отрицая, таким образом, прямое отождествление галатов или скиров декрета с бастарнами, притом независимо от германской или кельтской принадлежности последних, мы все же полагаем, что само появление галатов и скиров в поле зрения жителей далекого припонтийского города может найти объяснение все-таки только в связи с передвижением бастарнов: галаты и скиры ольвийской надписи были сдвинуты со своих населенных мест, надо полагать, именно при переселении бастарнов с далекого Северо-Запада к берегам Дуная. Вблизи от дельты Дуная их помещает как новопоселенцев (ἐπιπλῆρες) Деметрий, писавший на рубеже III—II вв. до н. э. Но если интересы основного ядра переселенцев, т. е. самих бастарнов, были устремлены на юг, куда они двигались по путям, проложенным столетием ранее кельтами Бренна, и в 80-х годах II в. до н. э. перешли Дунай, чтобы в союзе с Персеем Македонским обрушиться

¹⁰⁰ IOSPE, I², № 32 В, 5 слл. Еще Гутшмид правильно указал, что имеются в виду остатки некогда могущественного племени, жившего в эту эпоху западнее Ольвии (A. G u t s c h m i d, Kleine Schriften, III, Lpz, 1892, стр. 444).

¹⁰¹ Для целей настоящего исследования вопрос об их этнической принадлежности не имеет первостепенной важности; обзор историографии этого спорного вопроса см. Э. Мади, Припонтийские кельты, «Античное общество», М., 1967, стр. 179 слл.; прежнюю литературу см. также N i d e r l e, ук., соч., стр. 290.

¹⁰² K. M ü l l e n h o f f, Deutsche Altertumskunde, II, В., 1887, стр. 110—112; E. S e h m i d o r f, Die Germanen in den Balkanländer, Lpz, 1899, стр. 4—8; O. В r e m e r, Ethnographie der germanischen Stämme, Strassburg, 1904, стр. 46, 57, 93. Позднейшие авторы обычно ссылаются на подробное обоснование этого тезиса Штегелином (F. S t ä h e l i n, Der Eintritt der Germanen in die Weltgeschichte, «Festschrift zum 60. Geburtstag von Th. Plüss», Basel, 1905, стр. 46—56); стр. также O. F i e b i g e r, Zur Geschichte der Bastarner, BÖJh, XIV, 1911, стб. 61—76; P. K r e t s c h m e r, Sciri, RE, II-A, 1923, стб. 824; C. P a t s c h, Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa, V, 1, Wien, 1932, стр. 5—7, 21—23; S c h m i d t, ук. соч., стр. 88; E. P e t e r s e n, Die Bastarnen und Skiren, «Vorgeschichte der deutschen Stämme», III, В., 1940, стр. 925.

¹⁰³ Попытка выйти из положения путем отождествления с бастарнами не галатов, а скиров декрета (R. M u c h, Deutsche Stammsitze, Halle a/S, 1892, стр. 46—47; вскоре автор отказался от этой натянутой гипотезы), поддержана в наше время, причем скиров теперь считают сидонами Страбона; см. M. B a b e ș, Noi date privind arheologia și istoria bastarnilor, SCIV, XX, 1969, № 2, стр. 214.

¹⁰⁴ Греческие авторы именуют бастарнов галатами до конца II в. до н.э., см. M. I h m, Bastarnae, RE, III, 1897, стб. 110.

¹⁰⁵ Л а т ы ш е в, ук. соч., стр. 79; R. M u c h, Die Südmark der Germanen, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», XVII, 1893, стр. 35; Б р а у н, ук. соч., стр. 100—103; N i d e r l e, ук. соч., стр. 307—308.

на беззащитную Грецию¹⁰⁶, то двигавшиеся вместе с ними (вслед за ними или даже перед ними) галаты, заключив уже на местах своих новых поселений союз со скирами¹⁰⁷, попытались вознаградить себя за счет ольвиополитов и их соседей¹⁰⁸. Не касаясь здесь дальнейших судеб бастарнов, отметим, что неподалеку от той их ветви, которая осела на острове Певке в устьях Дуная и стала называться певкинами (Strabo, VII, 3,15; SC, I, 119, 120)¹⁰⁹, пользовавшийся большим числом утраченных для нас источников Птолемей упоминает неких бритологов (III, 10,7; SC, I, 235: Βριτολάγαι с рукописными вариантами Βριτολάγγαι, Βριτόλαγαι, Βριττόλαγαι и даже Βριτολάται и Βριτογάλλοι)¹¹⁰, в земле которых находятся города Новиодун (III, 10,5; современная Исакча на правом берегу Дуная) и лежащий, согласно приписке одного из лучших кодексов Птолемеевой «Географии» (cod. Vat. 191), напротив последнего (ἀπέναντι Νοβιδούνου περὶ τὸν Δαυνοβέως ποταμὸν) Алиобрикс¹¹¹. И этноним бритологов, и названия обоих их городов не оставляют сомнения относительно кельтской принадлежности этого племени¹¹², а поскольку старое мнение о том, что приведенная выше кельтская топонимия в устьях Дуная связана с дальними походами кельтов из Тиле¹¹³, опровергается весьма скромными масштабами их проникновения в северо-восточном направлении (ср. выше, прим. 64), и к тому же декрет в честь Протогена твердо датируется в настоящее время концом III или началом II в. до н. э. (ср. выше, прим. 11), становится вполне вероятным, что упоминаемые в декрете галаты могут быть сопоставлены с бритологами Птолемея¹¹⁴.

Если в конце III или в начале II в. до н. э. северными соседями граждан Истрии действительно были галаты (бритологи), нашествия которых опасались даже более отдаленные ольвиополиты, то трудно было бы допустить, что они, контролируя одну из важнейших переправ через Ниж-

¹⁰⁶ P a t s c h, ук. соч., стр. 5—26 и др.; ср. F. W. W a l b a n k, Philip V of Macedon, Camb., 1940, стр. 236—238, 314—318; A. J. R e i n a c h, Delphes et les bastarnes, BCH, XXXIV, 1910, стр. 265—295; A. В. Н и к и т с к и й, Римляне о бере Персее, ЖМНП, новая серия, ч. II, 1906, кн. 4, отд. классич. фил., стр. 174—210.

¹⁰⁷ При совместном движении к новым местам такой союз сложился бы давно и не был бы неожиданностью для ольвиополитов.

¹⁰⁸ Б р а у н, ук. соч., стр. 119, 164.

¹⁰⁹ Во II—IV вв. н. э. термин Peucini утратил мало-помалу свое этнически-определенное содержание; см. N. G o s t' a r, Lupta populațiilor de la gurile Dunării împotriva autorității romane, «Analele științifice ale Universității Al. I. Cuza din Iași», новая серия, секция 3, т. VII, 1961, стр. 1—10.

¹¹⁰ Разночтения даются по Мюллеру (Claudii P t o l e m a e i Geographia e codicibus recognovit Car. Mu e l l e r, I, 1, Paris, 1883, стр. 463, прим. 2; стр. 468, прим. 1; стр. 469, прим. 6).

¹¹¹ Там же, стр. 468, прим. 1; ср. N i d e r l e, ук. соч., стр. 308.

¹¹² A. H o l d e r, Alt-celtischer Sprachschatz, I—II, Lpz., 1896—1904, s. vv.; ср. M u c s c h, Die Südmark der Germanen, стр. 34—36; Б р а у н, ук. соч., стр. 126—129; N i d e r l e, ук. соч., стр. 309.

¹¹³ Можно указать еще Καρροδούων на Днестре (P t o l., III, 5, 15; SC, I, 233) и Κελτρος λιμνη у Ликофона (Alex. 189, или Κελτική λιμνη у Евксинского Понта, согласно комментарию Цеца, SC, I, 398, 402, 403). О походах кельтов из Тиле к Дунаю см., например, К а ц а р о в, ук. соч., стр. 67 (и литература в прим. 6).

¹¹⁴ Так считали (за исключением Вейсса, полагавшего, будто Новиодун является римским кастелем, основанным кельтским вспомогательным отрядом), начиная с Ф. А. Брауна (ук. соч., стр. 103, 129—131, 164—165), многие ученые; ср. N i d e r l e, ук. соч., стр. 309—310; E. H. M i n n s, Scythians and Greeks, Camb., 1913, стр. 125—126 (стр. 460, прим. 4); Ф. С л ю с а р е н к о, Грецько-скитські взаємовідносини II ст. перед Хр., «Науковий ювілейний збірник Українського університету в Празі, присвячений проф. Т. Г. Масарикові для вшанування 75-их роковин його народження», Прага, 1925, стр. 272—273. Вопрос о скирах декрета здесь не рассматривается; заслуживает внимания предположение о том, что они жили в «углу», образуемом течениями Дуная и Прута и упоминаются Иорданом (Get. 272) как Angisciri (A. H. В е с е л о в с к и й, Из истории древних германских и славянских передвижений, ИОРЯС, V, 1900, вып. 1, стр. 20).

ний Дунай и даже владея таким опорным пунктом, как Новиодун на правом берегу реки, не замечали Истрии и других греческих городов побережья Добруджи. С другой стороны, отношения, существовавшие между родным городом Агафокла и царем Ремаксом очень близко напоминают порядки, установившиеся на юго-востоке Фракии после образования кельтского царства со столицей в Тиле: под угрозой опустошения хоры византийцы были вынуждены платить Комонторию и его преемникам сначала более или менее регулярные *δώρα* в размере двух-трех тысяч золотых статов, а затем и все увеличивающийся *φόρος*, достигший накануне падения кельтского господства 80 талантов, т. е. 24 000 золотых (Polyb., IV, 45—46)¹¹⁵. В связи с этим нелишне напомнить, что в надписи в честь Агафокла нет никаких данных о том, какую народность возглавлял Ремакс, чьи владения могут быть локализованы, как показано выше, к северу или к западу от Нижнего Дуная. Второе из этих допущений представляется все же менее вероятным: признавая Ремакса царем гетов на территории современной Восточной Валахии или Южной Молдавии¹¹⁶, нельзя упускать из виду, что водный путь к царю оказался бы не только значительно более продолжительным, но и гораздо более опасным, чем сухопутный, — ведь пришлось бы плыть против течения через владения галатов, одно известие о готовящемся нападении которых привело в движение племена, жившие вокруг Ольвии, многие из граждан которой, в свою очередь, «впали в отчаяние и приготовились покинуть город» (IOSPE, I², № 32 В, 5—15). С другой стороны, помещая царство Ремакса в южной части Дунайско-Днестровского междуречья, необходимо поставить вопрос, не являлся ли этот могущественный и враждебный фракийцам (resp. гетам) Золта правитель царем галатов (т. е., согласно сказанному, кельтов-бритолагов)¹¹⁷, которые в таком случае обладали в период между падением кельтского царства на Балканах (около 216 г. до н. э.) и переходом бастарнов через Дунай (179 г. до н. э.) гораздо более заметным влиянием на историю народов Северо-Западного Причерноморья, чем это можно предполагать и по беглой заметке Птолея, сохранившего их племенное имя от забвения, и по кельтским древностям этого края, лишь в самое последнее время привлечшим внимание археологов¹¹⁸. Такому заключению не противоречат и те наблюдения, которые возможны над скудным материалом, доступным для лингвистического анализа¹¹⁹.

¹¹⁵ P i r p r i d i, Contribuții..., стр. 46 сл., 173 сл., 199 сл.; ср. также Н е в с к а я, ук. соч., стр. 137 сл.

¹¹⁶ Кроме указанных выше (прим. 33) работ. см. C o n d u g a c h i, ук. соч., стр. 47; I. S t o i a n, Tomitana, București, 1962, стр. 24; C. D a i c o v i c i u, La Transylvanie dans l'antiquité, Bucarest, 1945, стр. 45; N. I o r g a, Istoria Românilor, I, 1, București, 1936, стр. 230; ср. также В e n g s t o n, ук. соч., стр. 23; J. et L. R o b e r t, ук. соч., REG, LXXV, 1962, стр. 188; Б л а в а т с к а я, Западнопоитийские города..., стр. 151.

¹¹⁷ С. Ламбриньо указывает на возможность отнесения Ремакса к правителям кельтского или даже бастарнского происхождения, но считает ее слишком шаткой (Décret d'Histria..., стр. 202, 203).

¹¹⁸ Во II в. до н. э. в Причерноморье появляются неизвестные ранее (и резко отличные от памятников, связываемых с бастарнами, ср. прим. 75) предметы кельтского вооружения, конского убора, амулеты и т. п., которые могли бы сопоставляться с появлением галатов декрета в честь Протогена или всадников Ремакса (Ю. В. К у х а р е н к о, Распространение латенских вещей в Восточной Европе, СА, 1959, № 1, стр. 42; ср. стр. 31 сл., 44 сл.).

¹¹⁹ Так как имя сына Ремакса дополнено издателем (за сохранившимися буквами ФРА может читаться А, Δ, Λ или М — L a m b r i n o, Décret d'Histria..., стр. 186, — а Фрадмон — это известное греческое имя, ср. W. P a r e, C. V e n s e l e r, Wörterbuch der griechischen Eigennamen, II, Braunschweig, 1884, s. v.), то мы располагаем лишь именем самого царя (где греческое окончание -ξος нельзя, разумеется, рассматривать как -ξιος в именах скифских родоначальников, ср. R u s s u, ук. соч., стр. 137). Укажем на Балканах личное имя Ροίμος (IGB, III, № 1115; IV, № 2015, 2212) и топонимы Rimesica и Remesiana, а из территориально отделенных этноним Ρίμοι в Галлии (S t r a b o, II, 3,5); ср. Н о л д е r, ук. соч., II, s. 4v.

ISTRIA AND HER NEIGHBOURS AT THE TURN
OF THE III—II CENTURIES B. C.*by P. O. Karyszkowski*

The author discusses a recently published Istrian decree (end of III, beginning of II century B. C.) in connection with other inscriptions of Istria and Olbia from the same period, and finds a similarity in the situations of the two cities at that time. The author further considers how the disposition of peoples in the North Black Sea coastal region described by Strabo came about and shows that it reflects the movements of tribes during the same period to which belong the Istrian decree under discussion and the Olbian decree honouring Protogenes, i. e. the turn of the III—II centuries B. C. In the course of his analysis the author proposes and defends several hypotheses regarding local tribes of the Black Sea coastal region, in particular: the Saii of the Protogenes decree are identified with Strabo's Royal Sarmatians; Zoltos of the Istrian inscription appears to be one of the Thracian (probably Getan) chiefs of Northern Dobrudzha; Remaxos, whose lands lay between the Pruth and the Dniester, was most probably king of the Galatians mentioned in the Protogenes decree (the Britolagae of Ptolemy); the barbarians who, according to the Istrian inscription, sought refuge behind the city walls, suggest comparison with the small Scythian population of the Dobrudzha.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОБИН